

© К.К. КОЙШЕ

koishe.k.k@mail.ru

УДК 811.161.1'23(470+574)

О МУТАЦИОННОМ ХАРАКТЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются процессы взаимопроникновения языков в структуре современной евразийской языковой личности, выявляется характер интерференции, ведущей к появлению новых черт в региональном языке российско-казахстанского приграничья. Российское приграничье представлено югом Тюменской области, казахстанское приграничье — Северным Казахстаном. Русское население данной территории последовательно ассимилировало представителей многих народов, проживающих в исследуемом регионе (ханты, манси, коми, казахи, татары и др.), являя собой пример сложного метисного населения с преобладающей русской доминантой. На примере речи местных казахов и русских авторы показывают, каким образом происходит трансформация внутри современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья.

SUMMARY. The article deals with the processes of interpenetration of languages in the structure of modern Eurasian linguistic identity, reveals the nature of the interference, leading to the appearance of new features in the regional language of the Russian-Kazakh border areas. Russia's border areas show the south of the Tyumen region, the Kazakh border region — North Kazakhstan. Russian population of the area consistently assimilated representatives of many people living in the study region (Khanty, Mansi, Komi, Kazakhs, Tatars, etc.), showing an example of a complex half-blood population Russian-dominated dominant. On the example of speech local Kazakhs and Russian authors show how the transformation in modern Eurasian linguistic identity of Russian-Kazakh border areas.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Современная евразийская языковая личность, российско-казахстанское приграничье, интерференция, русскоязычная языковая личность.

KEY WORDS. Modern Eurasian linguistic identity, the Russian-Kazakh border area, interference, the Russian-speaking linguistic identity.

В условиях глобализации и развития самостоятельных независимых государств на постсоветском пространстве стало очевидным, что взгляд на многие процессы и явления как в общественно-политической, так и в культурной, экономической и других сферах, равно как и их оценка подверглись существенному переосмыслению. Российское приграничье представлено Тюменской областью, казахстанское приграничье — Северным Казахстаном. В ситуации Тюменской области, где первое место среди этносов занимают русские, а второе — татары, это может быть либо русско-татарское, либо татарско-русское двуязычие с характерными этнолингвистическими дифференциациями. Однако чем ближе

к российско-казахстанской границе, тем ярче проявляются черты казахско-русского и русско-казахского двуязычия. На сегодняшний день этническую мозаику Тюменской области составляют свыше 150 этносов и субэтносов. Этому способствуют и массовые миграции из близлежащих, более слабых в экономическом плане регионов и даже государств, например, из Казахстана, Украины, Белоруссии, Таджикистана, Сербии, Азербайджана [1]. Неслучайно Г.Ф. Шафранов-Куцев подчеркивает, что три мощные этнические силы сформировали этнический ландшафт Тюменского региона: угры, тюрки и славяне [2].

Миграция населения — не только простое механическое передвижение людей, но и сложный социально-психологический процесс, затрагивающий закономерности поведения и общения людей, их деятельность, обусловленные включением индивидуумов в социальные группы, а также особенности социальной психологии народов.

Рассматривая русский язык со стороны российской зоны приграничной территории с Казахстаном, необходимо учитывать, что русское население Тюменского региона в свое время ассимилировало представителей угорских (ханты, манси, коми), тюркских (татар, казахов), славянских (украинцев, белорусов) народов. Несмотря на отрицательное отношение православной церкви к бракам с некрещеными, казаки, купцы, да и просто крестьяне и иные служилые люди в Сибири почти поголовно были женаты на местных женщинах, в результате чего возникли русские субэтнические сообщества — группы метисного населения, антропологически близкого народам-соседям [3-4]. Возникает вопрос: отразилось ли это смешение на языковой способности? Какое место занимает в этой связи тюркско-татарская интерференция в русском языке и славяно-русская в коренных тюркских языках в таких метисных группах? Как справедливо отмечают исследователи, в местной речи русских наблюдаются и некоторые особенности произношения, перешедшие из языка-источника: **кыргызы, кыртма, тынгыте, кысы, башкыры**. По мнению М.А. Романовой, употребление **Ы** после заднеязычных **К/Г** внутри слова в русских тюменских говорах усвоено из татарского языка, где сочетание **КЫ/ГЫ** широко распространено [5; 14]. Говоры Уватского, Тобольского, Нижнетавдинского, Ярковского и Тюменского районов исследователи справедливо относят к вторичным, сложившимся в XVII—середине XVIII вв. на базе северновеликорусских говоров (вологдских, вятских, пермских и др.).

Не вызывает сомнений, что эти говоры тесно контактировали с тюркскими диалектами, что, в свою очередь, привело к развитию в русских говорах специфических явлений. Нельзя не согласиться с А.А. Биляловой, что «вариантность представляет несомненный интерес для исследователей самых различных уровней и сфер языка; литература по данной теме очень обширна и в то же время противоречива. Обзор исследований в этой области позволил выявить общепризнанные положения относительно сущности, природы, роли, места, выполняемых функций вариантности. Итак, основными направлениями исследований в области вариантности являются: смена вариантов, их конкуренция, классификация, соотношение вариантов и нормы, вариантность и тождество слова, прогнозирующий характер вариантности и др.» [6; 11].

В работах Х.Ч. Алишиной, Р.А. Вафеева, И.С. Карабулатовой, З.В. Поливары, Д.Г. Тумашевой, Н.К. Фролова и их учеников представлены исследования,

характеризующие процессы формирования русскоязычной языковой личности на основе взаимодействия государственного русского языка и родного языка в повседневном речевом общении жителей юга Тюменской области. В то же время переселенческие русские говоры российско-казахстанского приграничья не изучались ни казахстанской, ни российской стороной, что диктует необходимость более тщательного анализа взаимодействия тюрков и славян на указанной территории. Фонетическая система говоров лишь западных поселений Горькой линии на современном этапе развития с прослеживанием истории некоторых фонетических и морфологических явлений была исследована в работах М.К. Кокобаева [7], консонантизм в работах Б.З. Ахметовой [8]. Население данного региона устойчиво, и носители русских говоров в основном своем составе являются потомками первых переселенцев, пришедших сюда из северных областей России — Вологодской и Пермской.

Факты свидетельствуют, что как северо-восточный, так и остальные диалекты казахского языка еще до образования литературного языка заимствовали немало слов из арабского, персидского, русского и других языков, но при этом каждый из диалектов по-своему ассимилировал новые слова. Так, например, русское слово «**кровать**» в первое время на западе Казахстана звучало как **керуерт**, на юге — **керует**, на северо-востоке — **кереует**; русское слово «**самовар**» на западе звучало **самауын**, а в южных и северо-восточных областях — **самауыр**; русское слово «**печь**» на западе звучало как **беш**, на северо-востоке — **пеш**.

Есть своя специфика в адаптации русских слов и в языке сибирских казахов, проживающих на юге Тюменской области, Курганской и Новосибирской областях: «**түрба**» от русского «труба» употребляется в двух значениях: 1) труба самовара и 2) печная труба; «**шарып**» — «шарф»; **кіренке** — «крынка»; **күпшін** — «кувшин» и др. Кроме того. Встречаются в языке западносибирских казахов и усеченные заимствованные слова: «**зарпылат**» — «зарплата», **мәшін** — «машина», «**оғылоп**» — «оглобля».

Наши наблюдения показывают, что на язык казахов Западной Сибири наряду с литературным русским языком существенное влияние оказали говоры переселенцев более позднего времени. Так, слова крынка (**кіренке**), сенник (**сенек**), лист «противень» (**ілес**) отражают активный процесс взаимодействия с южными говорами.

Влияние русского языка на речь западносибирских казахов оказалось настолько существенным, что мы наблюдаем замену исконно казахских слов русскими заимствованиями: **борат** «ворота» (вместо қақпа), **істене** «стена» (вместо қабырға), **седелкы** «седелка» (вместо ершік), **кәсек** «косяк» (вместо жақтау), **район** «район» (вместо аудан), **сентір** «центр» (вместо орталык), **мәрқоп** «морковь» (вместо сәбіз), **сібекіле** «свекла» (вместо қызылша), **арбыз** «арбуз» (вместо қырбыз), **гыранат** «гранат» (вместо анар), **кокраз** «кукуруза» (вместо жүгері), **шылан** «чулан» (вместо ас үй), **шернер** «шарнир» (вместо топса) и др. Интенсивность влияния проявляется в том, что выбор между синонимами идет в пользу русского слова, вернее, слова русского происхождения.

Можно сказать, что в зонах интенсивного межэтнического взаимодействия возникают мутуальные явления со стороны обоих языков-контактеров, способствующие при определенных условиях эволюции как самой языковой личности,

так и языковых систем в целом. Нельзя сказать, что мы наблюдаем лишь аттрикцию языка западносибирских казахов под влиянием русского окружения. Казахский язык также оказывает существенное влияние как на русскую речь казахов и татар, так и на русские говоры российско-казахстанского приграничья в казахстанской зоне. Иными словами, диалектная русская речь оказывает существенное влияние на формирование русскоязычной языковой личности билингва, поскольку является не просто особым типом речевой культуры [9], но в отдельных случаях — единственным примером живой звучащей русской речи как таковой.

Так, непозиционное оглушение звонких согласных фонетического происхождения в ряде русских говоров на указанной территории развилось в Северном Казахстане под иноязычным влиянием [8]. В речи казахов и татар в словах, заимствованных из русского языка, наблюдалось явление оглушения звонких согласных. Н.К. Фролов в своих работах приводит вогульское (малые народы Сибири) заимствование из русского языка **п'ус'ка** из «бочка» [10].

По-видимому, распространению данного явления могло способствовать тюркское окружение. Наблюдения показывают, что казахи и татары в русской речи постоянно смешивают в фонетически не обусловленном положении звонкие и глухие согласные: **склатной**, **ношык** (д. Октябрьское), **пыл'и** «были», **друкой** «другой» (дд. Айдарлы, Жамбыл), **нато** «надо», **готу** «году», **б'итный** «бедный» (д. Койбагор), **трутна** «трудно», **тва** «два», **хот'ат** «ходят», **поклату** «покладу» (д. Жумагул), **атна** «одна», **тасв'итан'а** «до свиданья», **кар'ит** «горит», **латом** «ладом» (д. Степное), **упрал'и** «убрали», **пал'ит** «болит» (д. Челгаши).

А.С. Аманжолов, В.А. Богородицкий отмечают в казахском и в татарском языках относительно слабую артикуляцию звонких взрывных по сравнению с соответствующими русскими согласными [11-12].

Интересно и то, что фонетически не обусловленные варианты согласных фонем по звонкости-глухости отмечены нами главным образом в русских говорах тех селений, где можно предположить длительное взаимодействие казахского, татарского и русского населения (дд. Койбагор, Челгаши, Карамырза, Суйгенсай, Уйское, Айдарлы, Целинное, Козубай) ...латом м'ет'и / н'есклатно получ'атса у т'еб'е // сд'ес'а фс'е нас'ии вм'ес'т'и друшно так // а ч'о нама д'ел'ит' // пывало п'ешым помоч' сус'ету // ой кар'ит там в'ит' што — то .. / пал'ит по ч'ом ср'а // ус'у разом убрал // од'еша у йих крас'ива .. // (Закеева А.С., 69 лет, д.Целинное); прос'ил на пол и ушел / разп'итайа фс'а с'ижу // трутно б'ес св'ета // атна и жыву // друкой рукой б'ару // (К.Г. Капкаева, 72 г., д. Козубай).

Звонкие согласные, преимущественно взрывные, в положении между гласными могут ослабляться до полного исчезновения: д — **нароу**, **буут** (дд. Зареченка, Анновка — 7 чел.); д' — **д'аин'ка** (дд. Носовка, Ксеньевка — 9 чел.), **хоит'** (д. Целинное — 6 чел.); г — **н'е б'еай** (дд. Маршановка, Полтавка — 13 чел.); б — **во штобы то н'е стало** (А.Т. Пальцева, д. Карамырза); **баушка** (повсеместно).

Для многих русских говоров российско-казахстанского приграничья с казахстанской стороны характерно смягчение заднеязычных согласных под воздействием предшествующих мягких согласных: **мал'ен'к'о** (д. Белоглинка —

3 чел.), **гор'к'а** (д. Орнецкий — 6 чел.), **в'ит'к'а**, **пас'к'а** (д. Пешковское — 10 чел.), **койк'у**, **бойк'а** (д. Победа — 9 чел.). Мы полагаем, что сохранению данного явления в наших говорах способствует соседство с татарским языком. Например, ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в Костанайской области распространено главным образом в говорах Карабалыкского района, где можно предположить длительное языковое влияние со стороны татарского населения.

В русской речи татары постоянно смягчают **к** в словах с мягким согласным или передним гласным в предшествующих слогах: **вад'иш'к'а** (д. Победа — 9 чел.), **стул'ик'а**, **халотн'ин'к'а** (д. Саманы — 13 чел.). Ср. также приводимые В.А.Богородицким татарские заимствования из русского языка: «**ч'ар' к' а**», «**ч ашк а**» [12; 165].

Территориальное соседство русских и казахов, их экономические и культурные связи, а также тесные бытовые отношения неизбежно создавали благоприятные условия для лингво-этнической ассимиляции.

Языковые особенности местных тюркских диалектов не могли не способствовать продолжительному сохранению фонетически не обусловленных вариантов согласных фонем **Ф-Х**, **Ф-П**. Система согласных тюменского диалекта татарского языка характеризуется полным отсутствием фонемы **Ф**. Эта особенность тюменского диалекта подробно рассмотрена в работах Д.Г. Тумашевой [13], Х.Ч. Алишиной [14], где указывается, что согласный **Ф** в тюменском и тобольском диалектах в арабо-персидских и русских заимствованиях заменяется на **П**: **перма** — ферма, **пакир** — нищий «факир», **педерация** — федерация, **прукты** — фрукты и т.д. В свою очередь, произношение слов **патограпы**, **панера** с **П** вместо **Ф** в окающих старожильческих говорах может быть передачей татарского произношения этих и подобных им слов. Интересно, что и интонационная система татарских говоров нашего региона совпадает с интонационной системой местных русских говоров [5].

Лингвистическая география выделяет, кроме того, островные диалекты, говоры. Например, говор дер. Задонка Ишимского района — южнорусский остров, а если быть точнее, то даже украинский, в севернорусском старожильческом окружении [3]. Это тоже служит прекрасным образцом взаимодействия и взаимовлияния языков, но уже с родственной системой, на этом аспекте подробно останавливалась З.В. Поливар [15].

Кроме того, особого внимания заслуживает русская речь тюркоязычных жителей юга Тюменской области, для которой характерно смешение русского и казахского, русского и татарского. Например: **соображай жок** — «**несообразительный**», **прикол гой** — «**шутка**» (где **гой** — усилительная частица казахского языка), **жандыргалка** — «**зажигалка**» (жандыру «жечь» + зажигалка), **токтановись** — «остановись» (токта «стой» + остановись) и т.п. [16; 19]. Это явление не является новацией последнего времени, но может иллюстрировать и характер более раннего обогащения русских говоров Тюменской области на базе тюркских заимствований: **нацкый** — «**красивый**» [17; 33], **куянистый** — «**трусливый**», «**как заяц**» [18; 72-86].

Эти и другие факты подтверждают наше предположение о том, что мы имеем дело с инвариантами тюркоязычной языковой личности и славяноязычной языковой личности, которые формируются при прямом и/или опосредован-

ном участии языков-контактеров. В ситуации русско-казахстанского приграничья тюркоязычная языковая личность, представленная носителями татарского и казахского языков, испытывает мощное влияние русского языка на всех ярусах, при этом сами носители языка могут не осознавать степень воздействия русского языка на их родной язык. Аналогично и русскоязычная языковая личность российско-казахстанского приграничья включает в себя огромный пласт заимствований из тюркских языков, также прослеживаемый на всех языковых уровнях. При этом подразделение на русскую и русскоязычную языковую личность обусловлено следующими параметрами: под русской языковой личностью российско-казахстанского приграничья мы понимаем этнических носителей русского языка, проживающих по обеим сторонам границы; под русскоязычной языковой личностью мы понимаем билингов, говорящих по-русски, но владеющих в той или иной степени родным языком. Мутационный характер эволюционного развития языков-контактеров обеспечивает плавный переход от тюркоязычной языковой личности к русской языковой личности, где промежуточным звеном является русскоязычная языковая личность, обеспечивающая понимание и межкультурную коммуникацию между такими неблизкородственными языками, как татарский // русский и казахский // русский. Результатом такого действенного эволюционного развития различных типов национальных языковых личностей становится евразийская языковая личность, внутри которой происходит постоянный мирный диалог культур Востока и Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карабулатова И.С., Беженцев Е.В., Койше К.К. Тюменская область — Казахстан: специфика государственной этноязыковой политики в условиях приграничья. Тюмень: Вектор Бук, 2010. 148 с.
2. Шафранов-Куцев Г.Ф. Университет и регион. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997. С. 224.
3. Карабулатова И.С. Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области (на материале топонимии). Тюмень, 2001.
4. Койше К.К. Межкультурные взаимодействия казахов: исторические и демографические аспекты // М-лы междунар. науч.-технич. конференции, посвященной году России в Казахстане «Теория и практика исследования процессов рыночных преобразований в странах Ближнего Зарубежья». Тюмень—Павлодар, 2004. С. 161-162.
5. Романова М.А. Субстратные фонетические явления тюркского происхождения в русских говорах Тюменской области // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. Тюмень, 1988. С. 54-62.
6. Билялова А.А. Сопоставительный анализ факультативности как проявления вариативности в разноструктурных языках (на материале татарского, русского и английского языков): монография. Набережные Челны: Изд-во Камской госуд. инж.-экон. акад., 2007. 212 с.
7. Кокобаев М.К. Говор западных поселений Горькой линии: Дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1965. 296 с.
8. Ахметова Б.З. Речевой портрет носителя просторечий: Монография. Костанай: КГУ им. А.Байтурсынова, 2010. 248 с.
9. Гольдин В.Е. Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 65-66.
10. Фролов Н.К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1996. С. 168.

11. Аманжолов А.С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1957. 368 с.
12. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953. 210 с.
13. Гумашева Д.Г. Язык сибирских татар: В 2-х ч. Казань, 1968.
14. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. В 2-х частях. Тюмень, 1999.
15. Поливара З.В. Психолингвистический анализ речевых дисфункций у детей разных этнических групп Тюменского Севера // М-лы междунар. науч.-практич. конф., посвященной 45-летию факультета иностранных языков Кокшетаусского государственного университета им. Ш.Ш. Уалиханова «Искусство изучать языки» (Кокшетау, 29 февраля 2008 г.). Кокшетау: КГУ, 2008. С. 211-215.
16. Беженцев Е.В. Специфика функционирования языков в полиэтничном пространстве Тюменской области (на материале русского, татарского, украинского, казахского языков). Тобольск, 2011. 26 с.
17. Данильченко С.М. Тюркизмы в говорах юга Тюменской области // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 30-34.
18. Дмитриева Т.Н. Тюркизмы в русских говорах по нижнему течению Иртыша // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 72-86.

REFERENCES

1. Karabulatova, I.S., Bezhencev, E.V., Kojshе, K.K. *Tjumenskaja oblast' — Kazahstan: specifika gosudarstvennoj jetnojazykovoј politiki v uslovijah prigranich'ja* [The Tyumen Region — Kazakhstan: Specifics of Ethnolinguistic State Policy in Conditions of Border-Zone]. Tyumen: Vector Book, 2010. 148 p. (in Russian).
2. Shafranov-Kucev, G.F. *Universitet i region* [University and Region]. Tyumen: Tyumenskiy Gosudarstvennii Universitet Publ., 1997. P. 224. (in Russian).
3. Karabulatova, I.S. *Regional'naja jetnolingvistika: Sovremennaja jetnolingvisticheskaja situacija v Tjumenskoј oblasti (na materiale toponimii)* [Regional Ethnolinguistics: Modern Ethnolinguistic Situation in the Tyumen Region (on the Basis of Toponymy)]. Tyumen, 2001. (in Russian).
4. Kojshе, K.K. Intercultural Cooperation of the Kazakhs: Historical and Demographic Aspects. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoi konferencii, posvjashhennomu godu Rossii v Kazahstane «Teorija i Praktika issledovanija processov rynochnyh preobrazovanij v stranah Blizhnego Zarubezh'ja»* [Proceedings of the International Technical-Scientific Conference, Dedicated to the Year of Russia in Kazakhstan «Theory and Practice of Studying Processes of Market Transformations in the Countries of the Former Soviet Union»]. Tyumen—Pavlodar, 2004. Pp. 161-162. (in Russian).
5. Romanova, M.A. Substrate phonetic phenomena of Turkic origin in Russian dialects of the Tyumen Region. *Russkij jazyk v ego vzaimodejstvii s drugimi jazykami — Russian Language in Its Interaction with Other Languages*. Tyumen, 1988. Pp. 54-62 (in Russian).
6. Biljalova, A.A. *Sopostavitel'nyj analiz fakul'tativnosti kak proјavlenija variativnosti v raznostrukturnyh jazykah (na materiale tatarskogo, russkogo i anglijskogo jazykov)* [Comparative Analysis of Optionality as a Manifestation of the Variation in Languages with Different Structure (Based on Tatar, Russian and English)]. Naberezhnye Chelny: Kamskaya Gosudarstvennaya Inzhenerno-Ekonomicheskaya Academia Publ., 2007. 212 p. (in Russian).
7. Kokobaev, M.K. *Govor zapadnyh poselenij*. Diss. kand. [Dialect of Western Settlements of Gorkaya Liniya. Cand. Diss.]. Alma-Ata, 1965. 296 p. (in Russian).

8. Ahmetova, B.Z. *Rechevoj portret nositelja prostorechij* [Verbal Portrait of a Vernacular Speaker]. Monograph. Scientific publication. Kostanay: Kostanayskiy Gosudarstvenniy Universitet Publ., 2010. 248 p. (in Russian).

9. Gol'din, V.E. The development of Russian dialect speech as a special type of verbal culture. *Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka «Istoricheskie sud'by i sovremennost'»* [International Congress of Russian Language Researchers «Historical Destiny and Present»]. Moscow: Moscovskiy Gosudarstvenniy Universitet Publ., 2001. Pp. 65-66 (in Russian).

10. Frolov, N.K. *Semantika i morfemika russkoj toponimii Tjumenskogo Priob'ja* [Semantics and Morphemics of Russian Toponymy around the Tyumen Middle Ob Area]. Tyumen: Tyumenskiy Gosudarstvenniy Universitet Publ., 1996. 168 p. (in Russian).

11. Amanzholov, A.S. *Voprosy dialektologii i istorii kazahskogo jazyka* [Questions in Dialectology and History of the Kazakh language]. Alma-Ata, 1957. 368 p. (in Russian).

12. Bogorodickij, V.A. *Vvedenie v tatarskoe jazykoznanie v svjazi s drugimi tjurkskimi jazykami* [Introduction to Tartar Linguistics in connection with Other Turkic Languages]. Kazan, 1953. 210 p. (in Russian).

13. Tumasheva, D.G. *Jazyk sibirskih tatar* [Language of Siberian Tatars]. In 2 parts. Kazan, 1968 (in Russian).

14. Alishina, H.Ch. *Onomastikon sibirskih tatar* [Onomasticon of the Siberian Tatars]. In two parts. Tyumen, 1999 (in Russian).

15. Polivara, Z.V. Psycholinguistic analysis of speech dysfunctions of children of different ethnic groups of the Tyumen North. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 45-letiju fakul'teta inostrannyh jazykov Kokshetauskoj gosudarstvennogo universiteta im. Sh.Sh. Ualihanova «Iskusstvo izuchat' jazyki»* [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 45th Anniversary of the Department of Foreign Languages of Kokshetau State University named after Sh.Sh. Ualikhanov «The Art of Learning Languages» (February 29, 2008)]. Kokshetau, Kokshetauskiy Gosudarstvenniy Universitet, 2008. Pp. 211-215 (in Russian).

16. Bezhencev, E.V. *Specifika funkcionirovanija jazykov v polijetnichnom prostranstve Tjumenskoj oblasti (na materiale russkogo, tatarskogo, ukrainskogo, kazahskogo jazykov)* [The Specifics of Language Functioning in the Multiethnic Space of the Tyumen Region (Based on Russian, Tatar, Ukrainian and Kazakh Languages)]. Tobolsk: AKD Publ., 2011. 26 p. (in Russian).

17. Danil'chenkova, S.M. Turkisms in the dialects of the south of the Tyumen Region. *Vzaimodejstvie russkogo jazyka s jazykami korenyh poselencev Urala i Sibiri — Interaction of the Russian Language with the Languages of the Indigenous Settlers of the Urals and Siberia*. Tyumen: Tyumenskiy Gosudarstvenniy Universitet Publ., 1985. Pp. 30-34 (in Russian).

18. Dmitrieva, T.N. Turkisms in Russian dialects along the downstream of the Irtysh. *Jetimologicheskie issledovanija — Etymological Researches*. Sverdlovsk, 1981. Pp. 72-86 (in Russian).